

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Г. К. ВАГНЕР

ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ ПО ЯКУТСКОМУ ТРАКТУ

Издавая в 1924 г. книгу «Крестьянское строительство в России», проф. В. Д. Мачинский не включил в нее обзор построек Сибири на том основании, что эта молодая область русской колонизации еще не имеет сложившихся типов жилища и способов их строительства¹. Такое суждение могло возникнуть в условиях полного отсутствия сведений о строительстве русского крестьянского жилища в Сибири, как это и было в 1920-х гг. Исследователи русского деревянного зодчества в Сибири интересовались преимущественно культовыми сооружениями и, в лучшем случае, остатками острогов². Даже в деятельности такого замечательного учреждения, как Сибирский (позднее Восточно-Сибирский) отдел Русского географического общества, изучение жилища русских крестьян-сибиряков получило более чем скромное отражение³. Интерес к русскому народному зодчеству в Сибири начал развиваться только в советское время. В конце тех же 1920-х годов стали появляться работы сибирских краеведов, из которых к нашей теме непосредственно относится статья иркутского художника Б. И. Лебединского⁴.

Впервые русское крестьянское строительство в Сибири было обстоятельно освещено на примере бухтарминских построек в интересной работе Е. Э. Бломквист⁵, а затем — на более широком материале — в ее же сводном труде и в книгах А. Е. Ащепкова⁶. Однако территория расселения русских в Сибири настолько широка, что потребуются, очевидно, еще много времени, чтобы изучить все существовавшие и существующие там разновидности крестьянских построек.

¹ В. Д. Мачинский, Крестьянское строительство в России. М., 1924, стр. 37.

² Лишь И. И. Серебренников и М. В. Загоскин посвятили несколько строк крестьянским домам в своих работах, ссылки на которые см. ниже.

³ Редкое исключение представляет работа И. А. Молодых и П. Е. Кулакова «Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии», СПб., 1896.

⁴ Б. И. Лебединский, Из наблюдений над крестьянским зодчеством Иркутского округа, «Сибирская живая старина», VIII—IX, Иркутск, 1929.

⁵ Е. Э. Бломквист, Постройки бухтарминских старообрядцев, Сб. «Бухтарминские старообрядцы», «Материалы комиссии экспедиционных исследований», вып. 17, Л., 1930.

⁶ А. Е. Ащепков, Русское народное зодчество в Западной Сибири. М., 1950; его же, Русское народное зодчество в Восточной Сибири, М., 1953; Е. Э. Бломквист, Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов, «Востоочнославянский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, Новая серия, т. XXXI, М., 1956.

В 1955 г. автору этих строк удалось совершить «архитектурную разведку» по долинам р. Ангары (до порогов) и р. Куды (правый приток верхней Ангары), вдоль которой идет старый тракт из Иркутска на Лену (так называемый Якутский тракт)⁷. В предпорожной части Ангары (участок Распутино — Падунское) выделена колоритная группа русских старожильческих построек, сочетающих строительные традиции двух волн русской колонизации: более старой — северновеликорусской и более молодой — средневеликорусской⁸. По Якутскому тракту в его иркутской части тоже наблюдается своеобразная группа русских построек. Старожильческие строительные традиции здесь развивались в условиях при-
трактовой жизни, т. е. в тесном общении с городом, что привело к взаимному обогащению как крестьянского, так и городского деревянного зодчества.

* * *

Долина р. Куды носит характер лесостепного ландшафта. Она была издавна заселена бурятами и поэтому с приходом сюда русских получила местное название «братской» (брацкой) степи.

Вместе с долиной р. Ангары, кудинская степь представляла удобное место для земледелия, которым здесь занимались еще курыкане (V—VIII вв. н. э.)⁹, а затем буряты¹⁰. Не удивительно поэтому, что когда с заселением Восточной Сибири русскими промышленными и служилыми людьми возник вопрос о заведении собственной хлебной базы, то вместе с долинами р. Ангары и р. Илима была земледельчески освоена и кудинская степь.

Значение русской земледельческой колонизации кудинской степи увеличивалось еще тем, что по долине р. Куды пролегал кратчайший путь из Иркутска на Лену (с выходом у с. Качуг) и далее в Якутск.

Первые сведения о заселении кудинской степи русскими относятся уже к XVII веку. В 1691 г. в Иркутск было прислано на «государеву десятинную пашню» 160 «новопашенных крестьян», из которых 61 семья была поселена в долинах рек Куды и ее притока Оёка¹¹. Следует полагать, что это были не первые русские колонисты «братской» степи, так как главные населенные пункты долины — Куды, Урик, Хомутово и другие — показаны в «Чертежной книге Сибири» С. Ремезова (1701). М. В. Загоскин, проживший десять лет в селе Грановском и написавший о нем большую статью, сообщает, что сведения о возникновении села теряются в XVII веке¹². По «Расписанию» городов, острогов и слобод Иркутской губернии, составленному в 1775 г., слободы Кудинская, Оёкская, Уриковская с прилегающими к ним деревнями числились в Иркутском уезде наиболее значительными¹³.

Рост этих населенных пунктов находился в тесной связи не только с развитием земледелия, но и с прокладкой тракта. В середине XVIII в. Великий московский тракт дошел до Иркутска¹⁴. В это же время развивается и Якутский тракт — одна из старейших торговых коммуникаций

⁷ Выражаю искреннюю благодарность А. П. Окладникову и Е. Ф. Седакиной за всяческое содействие в проведении этой архитектурной разведки.

⁸ Г. К. Вагнер, Деревянное зодчество русских старожилов в среднем Приангарье, «Сов. этнография», 1956, № 3.

⁹ А. П. Окладников, История Якутии, т. I, Якутск, 1949, стр. 314.

¹⁰ В. Е. Писарев, Происхождение земледелия и полевых культур Восточной Сибири, Сб. «Материалы по истории земледелия СССР», II, М.—Л., 1956, стр. 174, 192.

¹¹ И. И. Серебrenников, Покорение и первоначальное заселение Иркутской губернии, Иркутск, 1915, стр. 67.

¹² М. Загоскин, Одна из сибирских общин (селение Грановское), «Памятная книжка Иркутской губернии на 1891 год», Иркутск, 1891, стр. 39—40.

¹³ «История Бурят-Монгольской АССР», изд. 2-е, Улан-Удэ, 1954, стр. 120.

¹⁴ В. В. Покшишевский, Заселение Сибири, Иркутск, 1951, стр. 107.

Восточной Сибири¹⁵. С середины XVIII в. в Восточную Сибирь проследовала новая волна колонистов. Н. Щукин, проезжавший в 1830 г. по Якутскому тракту, пишет о большом селе Оёк: «В нем есть порядочные дома, например, крестьянина Сергея Новоселова»¹⁶. Во второй половине XIX в. кудинская степь была уже настолько освоена русскими крестьянами, что участок земли можно было приобрести не ближе 60—70 км от человеческого жилья¹⁷.

Кем же заселялся этот дальний угол русской колонизации Сибири? В литературе утвердилось мнение, что в первый период русской колонизации Восточной Сибири (до середины XVIII в.), когда движение в основном шло по текущим в широтном направлении рекам, подавляющее большинство русских колонистов исходило из северновеликорусских областей Руси¹⁸. Во второй период (с середины XVIII в.) в связи с прокладкой тракта и сдвигом транзита в Сибирь с севера на юг среди колонистов стали преобладать выходцы из средневеликорусских областей¹⁹.

Исходя из данных диалектологии Сибири и накапливающихся, но еще слабо проанализированных архитектурных материалов, можно говорить о том, что в XVII в. заселение Восточной Сибири шло вверх по Ангаре (с ее низовьев) и осуществлялось главным образом выходцами из северной Руси и Западной Сибири. С середины XVIII в. заметно усилилось колонизационное движение вниз по Ангаре со стороны стоящего на тракте Иркутска. Оба этих колонизационных потока оставили след в составе населения долины р. Куды. Говоря о старожилах кудинского села Грановского, М. В. Загоскин отмечает, что, судя по говору, они происходят из севернорусских областей²⁰. В самом Иркутске «окали» еще в первой половине XIX в.²¹ Однако после прокладки тракта в верховьях Ангары (включая долину р. Куды) стало преобладать средневеликорусское население²², которое и составило здесь основной массив старожилов.

Судьбы старожильского населения долины р. Куды и старожилов по среднему и нижнему течению р. Ангары несколько различались между собою. Хлебная запашка в кудинской степи лишь на первых этапах сыграла большую роль в освоении русскими Восточной Сибири. Хотя в земледелии и были сделаны значительные успехи, но с быстрым истощением почвы и уменьшением земельного надела на душу населения зерновые культуры не могли оставаться единственным источником жизни кудинских крестьян. Гораздо больших успехов здесь достигло огородничество. С другой стороны, быстрое развитие Якутского тракта втягивало значительную часть крестьян в торговлю²³. Трактовая ямщина тоже ослабляла связи крестьян с землей, расшатывала патриархальные устои и более тесно связывала притрактовые села с Иркутском. Следует также иметь в виду,

¹⁵ Е. П. Чертовских, Торговые пути на р. Лену от Сибирской железнодорожной магистрали, «Изв. Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества», т. LIII. Иркутск, 1928, стр. 20.

¹⁶ Н. Щукин, Поездка в Якутск, СПб., 1830, стр. 13.

¹⁷ М. Загоскин, Десять лет в сибирской деревне, «Сибирский сборник», вып. I, Иркутск, 1890, стр. 1.

¹⁸ Однако и в XVII в. среди русских поселенцев Восточной Сибири было много выходцев из Московской, Рязанской и соседних с ними русских земель. Точку зрения «общерусского» заселения Сибири защищает В. В. Покшишевский в указанной работе.

¹⁹ А. Д. Григорьев, Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров, «Известия Ин-та исследования Сибири», № 6, Труды историко-этнографического отдела, № 1, Томск, 1921, стр. 59, 83—84; его же, Образование и общее распределение русских старожильческих говоров Сибири, «Сборник статей в честь академика Соболевского», Л., 1928, стр. 338—339.

²⁰ М. Загоскин, Одна из сибирских общин, стр. 39—40.

²¹ К. А. Авдеева, Воспоминания об Иркутске, «Отечественные записки», СПб., 1848, т. LIX, отд. VIII, стр. 131.

²² А. Григорьев, Образование и общее распределение русских старожильческих говоров Сибири, стр. 389.

²³ М. Загоскин, Десять лет в сибирской деревне, стр. 16—18; его же, Одна из сибирских общин, стр. 28—36.

что многие села долины р. Куды были местом поселения декабристов. В с. Урике жили Волконский, Лунин, братья Н. и А. Муравьевы, в Оёке — Трубецкой, в Хомутове — Вадковский, в Усть-Куде — братья Поджио²⁴. Некоторые декабристы имели свои дома и, несомненно, оказывали влияние на совершенствование крестьянского жилища²⁵. По своему развитию притрактовое крестьянство стояло много выше среднеангарских крестьян. М. В. Загоскин отмечает, что «умственный кругозор здешнего крестьянина шире, чем где-нибудь в глуши; близость города и странствование с обозами и с «торгом» сказались и в расширении знаний, и в суждениях»²⁶.

Все это нашло выражение в постройках кудинских старожил и привело задолго до «реформы» 1861 г. к сложению местного варианта русского старожильческого деревянного зодчества в Восточной Сибири.

* * *

Первоначальные поселения русских колонистов в долине р. Куды, как и на Ангаре, носили характер беспорядочно расположенных «гнезд», что обуславливалось рельефом местности. Однако прокладка Якутского тракта и усиление его значения при ничтожной транспортной роли реки Куды привели к концентрации крестьянских построек по сторонам тракта в виде двух «порядков», образующих улицу. Наиболее типичные притрактовые села (Хомутово, Оёк) тянутся такими «порядками» на очень большом (более двух км) протяжении. В более значительных населенных пунктах, при неудобстве дальнейшего протяжения главного «порядка», возникли параллельные и перпендикулярные к ним «порядки». В результате сложилась обычная геометрическая поселковая планировка (пос. Усть-Орда).

Старожильческое деревянное зодчество долины р. Куды прошло, конечно, те же этапы, что и на Ангаре, но от первоначального этапа (XVII—первая половина XVIII в.) здесь сохранилось еще меньше построек. Постройки этого времени восстанавливаются, главным образом по литературным источникам второй половины XIX в., когда старые сооружения еще существовали, хотя и в очень ветхом виде.

Описывая пореформенный быт села Грановского (1880-е гг.), М. В. Загоскин отмечает, что свидетелями «лучших времен» остались «огромные постройки с обширными крытыми и (разрядка моя.— Г. В.) дворами и разными клетями и амбарами. Теперь эти хоромы состарились и гляди — развалятся. Поправка их — не по силам нынешним хозяевам: те дома были из 10-вершкового леса, на 4 и 10 сажнях, а теперешние дома строятся из 5-вершковых бревешек, на 2—4 сажнях»²⁷.

Дополнением к этому может служить описание И. И. Серебренниковым старых русских построек по р. Илге, верховья которой подходят к верховьям р. Куды: «Старинные дома здесь прежде всего высоки, вырублены из крупного леса, с крышею, два (оба.— Г. В.) ската которой направлены во двор. Сильно почерневшие от времени, они поражают вас своими маленькими окошками, обычно двумя на фасаде... Внутри дом делится на две половины, разделенные сенцами; одна половина — белая, другая — черная... К сенцам, обычно, сбоку ведет крыльцо, покрытое навесом из досок. Ступени крыльца расположены перпендикулярно

²⁴ Ф. А. Кудрявцев и Е. П. Силин, Иркутск. Очерки по истории города, Иркутск, 1947, стр. 175.

²⁵ Дом братьев Поджио в Усть-Куде имел несколько комнат и отличался от местных изб. Ср. Н. А. Белоголовый, Воспоминания и другие статьи, СПб., 1901, стр. 45, 47.

²⁶ М. Загоскин, Одна из сибирских общин, стр. 68.

²⁷ Там же, стр. 47.

к стене, а не идут параллельно ей. Пол дома срублен высоко над землей»²⁸.

Иными словами, перед нами большие дома-дворы с избами «связью» на подклетах, тип которых сложился в северновеликорусском зодчестве и был перенесен первыми колонистами в Сибирь. Первоначально такие постройки были и в Енисейской губернии, и на средней Ангаре, и в самом Иркутске. Так, например, П. И. Пежемской в своей летописи говорит об Иркутске (вторая половина XVIII в.): «Особенно безобразили дома неровными окнами, с прибавлением так называемых волоковых»²⁹. Е. А. Авдеева тоже пишет, что в конце XVIII в. в Иркутске дома строились «старинным манером», на подклетах³⁰. Очевидно, уже последние из таких домов с крытыми дворами в 1920-х гг. наблюдал в с. Грановском Б. И. Лебединский³¹.

Избы «связью» принадлежали преимущественно зажиточным многолюдным семьям. Средняцкие семьи имели обычную «клетскую» избу, иногда даже без сеней. Это деление, наметившееся еще в XVII—XVIII вв., сохранялось и до второй половины XIX в., т. е. в течение всего второго этапа развития старожильского жилища. Судя по приводимым М. В. Загоскиным планам старожильческих усадеб села Грановского³², в 1880-х гг. здесь еще господствовали оба указанных типа (рис. 1а, б). В качестве отличительной черты этих старых усадеб следует отметить наличие в них двух дворов, расположенных по бокам избы. Один из дворов — заезжий, второй — скотный. В соответствии с назначением дворов располагались (по их флангам) надворные постройки — амбары и «стайки» (сарай для мелкого скота), выходящие, как и избы, торцами на улицу. При этом помещения для скота и сена часто соединялись с избой по линии улицы промежуточной продольной постройкой. Амбар соединялся с избой глухими мощными стенами с воротами и калиткой под общей двускатной кровелькой. Как видим, здесь уже нет крытого двора. Пережитком его является покоеобразное соединение помещений для скота с избой под одной кровлей³³. Однако собственно двор, заключенный внутри этого «покоя», остается открытым. «Заезжий» двор между избой и амбаром тоже открытый. Вытеснение закрытого двора открытым началось очень рано и было связано в основном с притоком колонистов из среднерусских областей³⁴.

Что касается конструктивно-архитектурных приемов, то здесь старые северновеликорусские традиции оказались более устойчивыми. Очевидно, это объясняется хорошей приспособленностью выработанной системы к суровым сибирским условиям, а также строительной традицией местных плотничьих артелей, к которым должны были обращаться вновь прибывающие колонисты. И сейчас еще наиболее старые избы Якутского тракта имеют покрытие на самцах, с повалами верхних венцов бревен, с двумя — тремя небольшими окнами на улицу. В строительстве «стаек» и амбаров неизменно сохраняются защитные стенки, характерные для старых русских построек Восточной Сибири. Защитные стенки образуются пропуском бревен боковых (торцовых) стен сруба вперед за линию передней стены с соответственным выпуском вперед ската кровли, благодаря чему и получается ниша перед входом; так это делалось и в избах (см. рис. 6).

²⁸ И. И. Серебрянников, О старинных домах и церквах в Иркутской губернии, «Сибирский архив», Иркутск, 1912, № 4, стр. 275.

²⁹ «Иркутская летопись» (летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова), Труды Восточно-Сибирского отдела Русского географического об-ва, № 5, Иркутск, 1911, стр. 95. Показательно, что иркутяне долго сопротивлялись введению в строительство пиленого леса, предпочитая ему кругляк. См. Ф. А. Кудрявцев и Е. П. Силин, Указ. раб., стр. 42—43.

³⁰ Соч. [Екатерин]...ы [Авдеев]...ой, Записки и замечания о Сибири, М., 1837, стр. 29—30.

³¹ Б. И. Лебединский, Указ. раб., стр. 115—116.

³² М. Загоскин, Одна из сибирских общин, табл. 3.

³³ Там же, стр. 61—62.

³⁴ Подробнее об этом см. Г. К. Вагнер, Указ. раб., стр. 56 сл.

Вместе с этим в старожильческом зодчестве по Якутскому тракту уже в первой половине XIX в. вырабатываются такие типы жилья, которых не знала строительная практика русских старожилов среднего Приангарья.

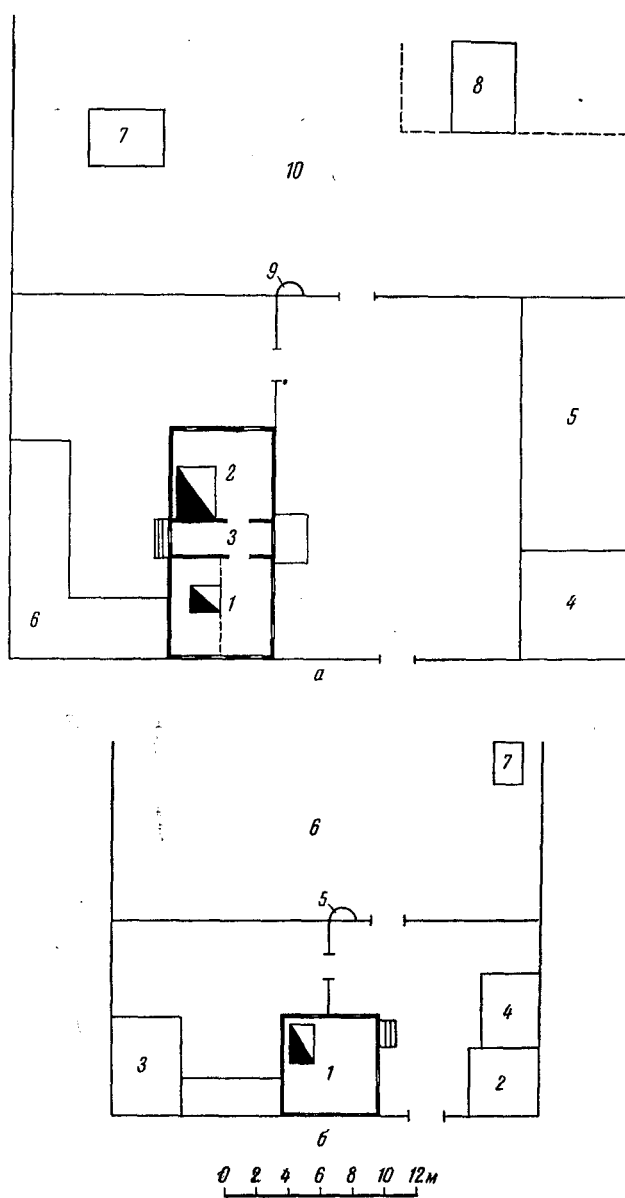

Рис. 1. Планы старожильческих усадеб в долине р. Куды (по М. В. Загоскину): а — усадьба зажиточного крестьянина: 1 — горница, 2 — изба, 3 — сени, 4 — амбар, 5 — навес, 6 — «стайки» и сеновалы, 7 — баня, 8 — овин, 9 — колодезь, 10 — огород; б — усадьба крестьянина-середняка: 1 — дом, 2 — амбарчик, 3 — «стайки», 4 — навес, 5 — колодезь, 6 — огород, 7 — овин

Я имею в виду наиболее типичную для сел Якутского тракта избу с развитым тамбурным крыльцом-прихожей, образующие вместе не только в плане, но и по объему слитную композицию в виде «глаголя». Подобного вида избы составляют основную часть притрактовых старожильческих построек дореформенного времени.

Изба рассматриваемого типа представляет на первый взгляд обычную клетскую избу с сенями, только усложненную тамбуром. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что в планировке жилища и в назначении отдельных его частей произошли изменения. Фактически сени здесь вытеснены помещением иного назначения. Роль сеней частично выполняет значительных размеров тамбур, устраиваемый со двора перед дверью в избу, что и образует вместе с избой в плане «глаголь» (рис. 2)³⁵.

Русская печь в избе сохраняет свое обычное положение. Отделяющая ее от бывших сеней стена идет параллельно улице и делит внутреннее помещение на две неравные части, большая из которых обращена на улицу. Эта часть в свою очередь делится переборкой по линии печи на две неравные части — горницу и маленькую спальню. Остальная часть помещения занята прихожей и «кутью» (кухней, рис. 2). Иногда по-

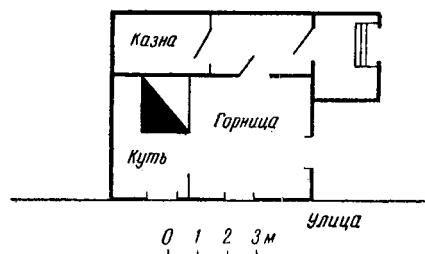

Рис. 2. План избы Г. Ф. Ворошилова (1836) в с. Грановском (по Б. И. Лебединскому)

ложение спальни и «кути» меняется, но прихожая неизменно помещается в задней части сруба. Ввиду сокращения площади бывших сеней небольшая прихожая дополняется тамбуром, в передней или боковой части которого и устраивается собственно крыльцо. Тамбур рубится из тех же бревен, что и сруб, и составляет с ним одно целое. Верхние бревна стен тамбура обычно пропускаются вперед над входом и образуют повалы, аналогичные «кошелю» северновеликорусских или «пятру» бухтарминских амбаров (рис. 3). Чаще всего «поваленная» часть переходит в нижележащие венцы через помочи-кронштейны криволинейного профиля, настолько массивные, что они составляют своего рода боковые защитные стенки крыльца (рис. 4). Повалы часто дополнительно подпираются резными колонками, стоящими на нижней площадке перед входом. Таково, в основном, устройство наиболее распространенного в селах по Якутскому тракту типа старожильского жилища, который можно было бы назвать в известном смысле «избой-домом». Целые серии подобных изб-домов тянутся вдоль «порядков» сел Куда, Хомутово, Оёк, придавая местности такой же специфический колорит, какой придают, например, Подмосковью «дома» с мезонином. Рассмотренный тип характеризует второй этап развития русского старожильского притрактового жилища Восточной Сибири и в значительной степени сохраняется в пореформенное время.

По аналогии с обычной клетской избой первого этапа этот вид построек можно рассматривать как жилище основной, середняцкой массы притрактового населения. Более бедная часть населения строила жилища того же типа, но более грубо выполненные и упрощенные, например без тамбурного крыльца. У зажиточной (по-местному, «капиталистой») прослойки притрактового населения дома такого же типа были усложнены вторым этажом. Здесь будет рассмотрена лишь наиболее характерная часть построек притрактовых старожилов, т. е. дома с глаголеобразным планом.

Каково происхождение и эволюция этого типа?

Б. И. Лебединский, изучавший в 1920-х гг. постройки села Грановского, отметил в них много элементов городской архитектуры, особенно в формах крылец³⁶. Действительно, в Иркутске, несмотря на страшный пожар 1879 г., в некоторых уголках города сохранилось немало домов с описанными выше крыльцами. Наличие над входом в тамбур треуголь-

³⁵ Б. И. Лебединский, Указ. раб., рис. 24 и 25.

³⁶ Там же, стр. 109—112.

ного фронтона, а под навесом фронтона — площадки с колонками и балюстрадой на первый взгляд позволяет говорить об отражении в этих постройках стиля ампир. Наиболее старые дома Якутского тракта с такими крыльцами датируются 1830-ми гг.³⁷, т. е. относятся к эпохе, когда

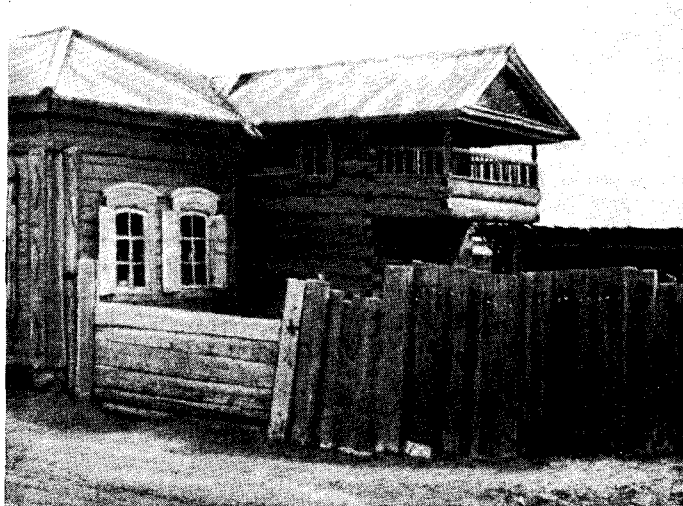

Рис. 3. Изба «глаголем» в с. Оёк

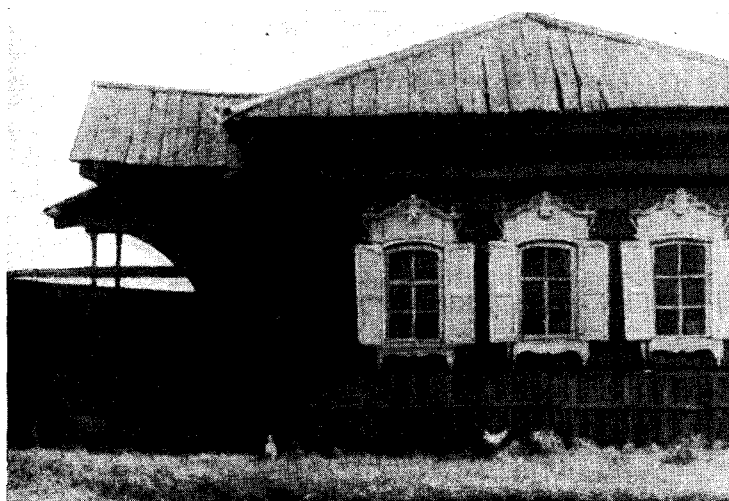

Рис. 4. Крыльцо с защитными стенками (поселок Усть-Орда)

стиль ампир еще был далек от вырождения, особенно на периферии. Однако на основе одних этих соображений нельзя говорить о происхождении рассматриваемого типа дома. Город несомненно влиял на склад быта притрактового населения, на его архитектурные запросы. За счет влияния города следует отнести появление нескольких комнат вместо одного помещения, которое имело в старой клетской избе, а также увеличение оконных проемов, введение некоторых ампирных архитектурных деталей, подвижной мебели и т. п.

³⁷ Б. И. Лебединский, Указ. раб., стр. 111—112.

Известно, что с начала XIX в. правительственные учреждения России предпринимали ряд мер к регламентированию сельского строительства, вырабатывали различные типовые проекты, в которых старались предусмотреть географическую и экономическую специфику³⁸, но ни один из этих проектов не отражен в старожильческих постройках по Якутскому тракту. Исходным материалом для местного жилищного строительства продолжало быть зодчество самих старожилов, архитектурный арсенал которого был очень богат.

Элементы русского старожильского зодчества до сих пор сохранены в наиболее старых из сохранившихся построек по Якутскому тракту.

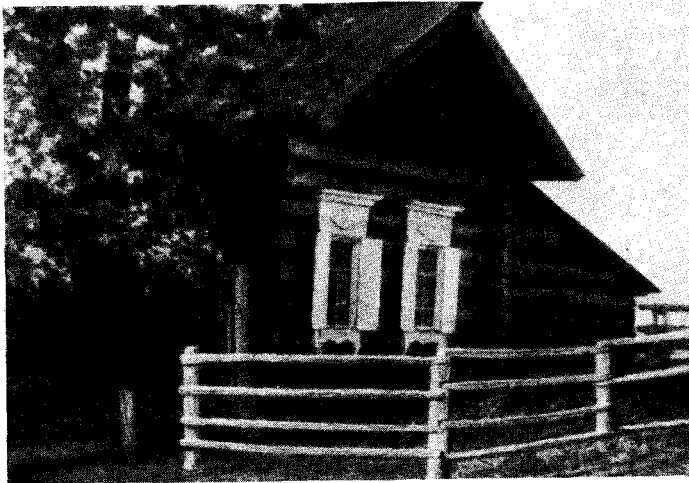

Рис. 5. Изба старожилов Парфеновых в с. Куда

Избы эти срублены «в обло» из массивных бревен, имеют покрытие на самцах, с сильным выпуском кровли над самцовым фронтоном. Кровля по традиции увенчивается массивным охлупнем, свисающий конец которого скошен. Изба обычно ориентирована на улицу торцом и имеет по этому фасаду два окна с прямолинейными наличниками. Такова, например, старая изба Парфеновых в селе Куда, построенная почти 100 лет тому назад (рис. 5).

В дальнейшем происходила замена самцового покрытия стропильным, с неизбежным отделением фронтона карнизом, а затем и замена двускатной кровли — четырехскатной (см. рис. 4). Предпочтение стало отдаваться рубке сруба «в лапу» с зашивкой углов тесом в виде пилястр (см. рис. 3).

О связи притрактных хозяйственных построек с старожильским зодчеством предшествовавшего этапа уже говорилось выше. Такую же связь с старожильским зодчеством можно проследить и в устройстве тамбурных крылец притрактных изб. Это особенно существенно, так как именно в формах крылец, как говорилось выше, некоторыми исследователями усматривалось влияние «городского стиля». В свое время Р. М. Габе правильно подметил, что многие крыльца севернорусских изб очень похожи на оформление входов в амбары, особенно если эти входы устраиваются с торцевой стороны³⁹. То же можно сказать и в отношении восточносибирского зодчества.

³⁸ А. Г. Введенская, Из истории планировки русской деревни XVIII и первой половины XIX в., Труды Гос. Исторического музея, вып. XV, М., 1941, стр. 83 сл.

³⁹ Р. М. Габе, Карельское деревянное зодчество, М., 1941, стр. 80 и рис. 72.

Тамбурному крыльцу кудинского типа предшествовало превращение обычных сеней клетской избы в закрытое крыльцо, как, например, в избе в д. Игжей на средней Ангаре (рис. 6). Эта постройка, правда, сравнительно поздняя, но по ней можно «реконструировать» несохранившиеся постройки переходного типа. Покрытие сеней выделено здесь из-под общей двускатной кровли и устроено на повалах со скатом во двор.

Следующим шагом в местном зодчестве было удлинение помещения сеней в сторону двора посредством дополнительного небольшого сруба (тамбура), что и придало всей постройке типичный план «глаголем». Идея

Рис. 6. Изба с сенями-крыльцом в с. Игжей

этого плана очень старая. Он отмечен археологами в жилищах Новгорода домонгольского времени⁴⁰, встречается в деревянном зодчестве Русского Севера и Поволжья, откуда был занесен и в Сибирь. В пос. Братске на средней Ангаре мне пришлось видеть две старые избы (Советская ул., дом № 65), соединенных «глаголем». По этому же плану возводились нередко и хозяйственные постройки, прежде всего амбары.

В этом отношении интересен амбар в старой ангарской усадьбе И. Дубровина (с. Падунское; рис. 7)⁴¹, который можно считать прообразом кудинской избы с тамбурным крыльцом. Амбар имеет Г-образный план, так как над одним из входов верхняя часть сруба сильно «повалена» («кошель», по поволжской терминологии, или «пятра» — по бухтарминской) и подперта парой колонок, опирающихся на нижний венец предамбарья. Что особенно интересно, «кошель», или «пятра», имеет самцовый фронтон и покрытие на два ската, перпендикулярное покрытию основной части амбара. Нехватает только «помочей» под повалом для того, чтобы получить развитое тамбурное крыльцо кудинской избы.

Что касается помочей криволинейного профиля, то и эта архитектурная форма была распространена в старожильческом восточносибирском зодчестве⁴², в частности у забайкальских «семейских»⁴³ и у старожилов

⁴⁰ Доклад П. И. Засурцева на заседании сектора славяно-русской археологии ИИМК АН СССР 14 июня 1956 г.

⁴¹ По словам хозяев, изба этой усадьбы построена около 200 лет назад. Амбар был построен много позже, но по образцу старого амбара.

⁴² Е. А. Ащелков, Русское народное зодчество в Восточной Сибири, рис. 184—186.

⁴³ Описывая быт семейских, А. М. Селищев поражается высотой их изб («рукой не достать до окон!»). См. А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы. Семейские, Иркутск, 1920, стр. 3.

среднего Приангарья. Стенки-помочи криволинейного профиля широко применялись в русском деревянном зодчестве XVII в. (не только в северных областях, но, что особенно интересно, и в южных) и являются очень древним приемом⁴⁴.

В устройстве тамбурных крылец строители изб Якутского тракта проявляли неистощимую фантазию. Можно наметить следующие типы тамбурных крылец в порядке их эволюции:

1) одноэтажный тамбур с односкатным покрытием и с устройством входа в передней части;

Рис. 7. Амбар в поселке Братск

2) одноэтажный тамбур с двускатным покрытием, перпендикулярным кровле избы, с устройством входа в передней части⁴⁵;

3) одноэтажный тамбур с двускатным покрытием и с входом не в передней, а в одной из боковых стен;

4) двухэтажный тамбур с устройством входа либо в передней, либо в боковых стенках и со светелкой во втором, нависающем вперед ярусе (бывшем «кошеле» старожильческих амбаров).

Среди этих основных четырех типов можно выделить различные подтипы — по характеру оформления козырьков над входом, защитных стенок и т. д.

Бесспорное удобство и декоративность подобных крылец (рис. 8) обеспечили их популярность в деревянном строительстве Иркутска, осуществляемом силами деревенских плотничьих артелей. Работая в городе, эти плотники в свою очередь усваивали некоторые детали городской архитектуры стиля ампира (профилированные карнизы, модульоны, «сухарики», балясины балконных перил) и заносили их с собой в деревню. Таким образом, наряду с внутренней планировкой, только эти детали внешнего архитектурного оформления притрактового жилища, правда очень выразительные, можно отнести за счет влияния «городского

⁴⁴ М. Красовский, Курс истории русской архитектуры, ч. 1. Деревянное зодчество, Пгр., 1916, стр. 365. Следует отметить, что в церковных крыльцах криволинейные помочи-кронштейны почти не применялись. Наоборот, они широко практиковались, например, в устройстве монастырских ворот.

⁴⁵ Б. И. Лебединский подобное крыльцо считает «самым старым» (Указ. раб., стр. III), однако ему должны были предшествовать тамбуры с односкатным (во двор) покрытием.

стиля». В основном же кудинские притрактовые жилые постройки связаны с традициями старожильского зодчества.

Во второй половине XIX в. в связи с наплывом «новоселов» и резким социальным расслоением деревни общая картина притрактового деревянного зодчества очень усложняется. Старожильские традиции продолжают еще прочно жить, но постепенно вытесняются приемами городского строительства или новыми формами построек, характерными для капитализирующихся слоев пореформенной деревни (пятистенки, крестовые избы и пр.). На другом социальном полюсе деревни вырастают более скромные постройки беднейшей части населения, главным образом тех новоселов, которые по прибытии в Сибирь испытывали особую нужду и на первых порах вынуждены были идти в батраки.

Рис. 8. Крыльцо старожильской избы в с. Хомутово

В итоге краткого обзора русского старожильского зодчества на средней Ангаре и по Якутскому тракту можно сделать следующие предварительные заключения. В первый период русской колонизации Восточной Сибири (XVII — первая половина XVIII в.) на всей территории расселения русских (в частности по Ангаре и по долине р. Куды) были распространены единые типы жилых и хозяйственных комплексов, среди которых в качестве господствующего типа утверждается усадьба с покоеобразным расположением построек, открытым двором и с избами «связью» (у зажиточных семей) или «клетью» (у середняцких

и менее обеспеченных семей). На втором этапе русской колонизации Восточной Сибири (с середины XVIII до середины XIX в.) в этом едином процессе развития старожильского зодчества намечаются различия. В удаленном от тракта и от растущих на нем городских центров (прежде всего Иркутска) среднем Приангарье продолжают существовать прежние типы построек, в которые вносятся лишь небольшие изменения. В притрактовой зоне (долина р. Куды) старожильские строительные традиции развиваются во взаимодействии с городским строительством, что дало очень интересный и богатый содержанием вариант крестьянского зодчества. Изучение этого строительства весьма актуально не только в связи с тем, что в ближайшие годы долины Ангары и ее притоков будут превращены в огромное море. Такое изучение диктуется и внутренними качествами русского крестьянского притрактового зодчества, в котором наряду с отмирающими чертами несомненно сохраняются и непреходящие ценности народного творчества.